

Характерная бородка; глаза, внимательно прищуренные за стеклами пенсне; губы, готовые к усмешке, — Антон Павлович Чехов разглядывает нас со своего портрета. До последних мелочей описавший современную ему Россию, Чехов, кажется, описал и нас самих — пообещал он нас России, безусловно. Его высокая фигура держится с достоинством и, видимо, не стремится к влиянию на потомство. Однако нет писателя, уроки которого оказались бы столь значительными: вскоре по его смерти обнаружилось, что вся Европа читает, читает, читает его новеллы и повести, ставит его драмы и комедии и с чувством прекращающегося изумления вот уже которое десятилетие узнает в дамах с высокими рукавами и мужчинах прошлого века себя.

Подобно Мопассану во Франции, Чехов понимал себя наследником, сознательно завершая классический русский реализм. Отлично чувствуя, сколь длинный ряд предшественников стоит за его спиной, он свою задачу видел в той точности, которая возможна лишь перед концом. Конча-

К 120-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. П. ЧЕХОВА

РУССКИЙ ВРАЧ

лась тысячелетняя Россия, завершалась и ее литература. Новеллы без новостей, описания без эпитетов, рассказы без фабулы — такой представляется писателю современная ему Россия. Все известно, проторено, обветшало, и отпечаток мужественной обреченности, кото-

рую пронзительно осознавал врач Антон Павлович Чехов, сообщает ему ту трезвость, которой не перестает учиться у Чехова нынешняя литература.

Юмор — второй урок Чехова. В ситуации безнадежной, положении критическом юмор, которым автор владеет вполне, становится необходимым средством защиты. Трезвость получает близкого себе родственника (ибо точность — опять-таки главный признак юмора). Повсюду пронизательный взгляд упирается в закрытый горизонт и находит в себе силы иронизировать по этому поводу. Закат становится темой шуток. Отказ от фабулы в рассказах приобретает у Чехова характер иронический: ибо и в жизни события связываются не по смыслу, а лишь по случайным признакам. Слыша над собой тиканье часов, Чехов с чисто медицинской выдержкой выставляет эти часы, отмеряющие последние минуты тысячелетия, предметом юмора. Юмор Чехова лишь подмога и защита, но не цель. В спор с ним вступает мощное лирическое начало.

В обозначении своих надежд и очарований Чехов так же честен, как в констатации пошлости и грязи. Сосредоточенно приложив пальцы к пульсу своего времени, он ощутил в нем токи, имя которым — надежда; ритм, которой называется будущее. Не обманывая читателя в неопределенности своих надежд, Чехов оставался честным, как всегда. Медик, он констатировал все недуги своего времени, и великий медик ощутил биение плода. Каким будет этот плод, во что выльются страдания его современников и кто их наследует, Чехов не знал наверняка. Но, скрипя, разворачивались рычаги, и началось могучее обновление, и он отметил его. Занес рукою земского врача, рукою усталой, но твердой, свой диагноз. И оставил его нам, потомкам. Свет будущего окрасил его скептические наблюдения легкой дымкой надежды.

За каждым его словом, за всякой мыслью и любой усмешкой стоит та крупная личность, которая одна и достается в наследство потомкам. Земский врач, русский писатель, Антон Павлович Чехов, честный, независимый и сдержанный, испытующе прищурив глаза, смотрит в будущее — на нас.

Е. ДАВИДОВА.

Рис. Э. ЯРОВА.